

DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.078
УДК 811.161.1'373 + 81'42

Е. И. Голованова
Ю. И. Корсакова

Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ УСТНОЙ РЕЧИ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье раскрываются особенности функциональной семантики дискурсивных маркеров устной речи *авось, мол, в принципе, вообще, на самом деле, как ни крути* в динамическом аспекте. Актуальность темы обусловлена отсутствием в современной русистике работ, посвященных анализу функционирования десемантизированных единиц, которые регулируют дискурсивное поведение участников коммуникативного акта, на протяжении нескольких исторических периодов. Попытка охватить различные дискурсивные маркеры в одном исследовании позволяет выявить общие тенденции, связанные с изменением их функциональной семантики. В исследовании применены методы лингвистического описания и контент-анализа, приемы сравнения и количественных подсчетов. Сравнение производилось с целью обнаружения сходств и различий контекстов употребления дискурсивных маркеров. Использование контент-анализа и приема количественных подсчетов направлено на определение тенденций в функционировании данных единиц. Анализ дискурсивных маркеров произведен на материале Национального корпуса русского языка. В статье приводится словарное значение дискурсивных маркеров, указывается количество употреблений, а также цель их употребления в те или иные временные промежутки, благодаря чему проясняется функциональная семантика каждого маркера. Дискурсивный маркер *на самом деле* сопоставляется с маркером *в самом деле* для выяснения степени сходства между ними. В ходе исследования подтверждается мысль о возможных сдвигах в семантике дискурсивных маркеров устной речи, что происходит не одновременно, а постепенно. Впервые определены доминантные признаки рассматриваемых единиц и показаны изменения в их функционировании в русском языке в соответствии с меняющимися требованиями к характеру коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурсивный маркер; диахронный анализ; семантический сдвиг; функциональная семантика; динамический аспект; Национальный корпус русского языка; устная речь.

Ц и т и р о в а н и е: Голованова Е. И., Корсакова Ю. И. Функциональная семантика дискурсивных маркеров устной речи: динамический аспект // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 222–241.

Поступила в редакцию 03.04.2018
Принята к печати 24.10.2018

Elena I. Golovanova
Yuliana I. Korsakova
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia

THE FUNCTIONAL SEMANTICS OF ORAL SPEECH DISCOURSE MARKERS: DYNAMIC ASPECT

This article considers the functional semantic features of the oral speech discourse markers *авось, мол, в принципе, вообще, на самом деле, как ни крути* in the dynamic aspect. The choice of the subject matter of the research is conditioned by the absence of studies focusing on the functioning of nonsemantic units which have been regulating the discourse behaviour of the participants of a communication act for several historical periods. The attempt to describe different discourse markers within the scope of one study makes it possible to reveal the general tendencies connected with the change in their functional semantics. The authors use methods of linguistic description and content analysis, methods of comparison and quantitative methods. The comparison carried out is meant to reveal the similarities and differences between the contexts in which such discourse markers are used. The analysis of discourse markers is carried out with reference to the Russian National Corpus. The article quotes dictionary definitions of the discourse markers under consideration, indicates their frequency, the purpose of their use at certain times which helps clarify the functional semantics of each marker. The *на самом деле* discourse marker is compared to the *в самом деле* marker in order to establish the similarity between the two. The research carried out proves the fact that there may be shifts in the semantic meaning of discourse markers in oral speech which does not happen instantly but gradually. The authors establish the dominant features of the units under considerations and demonstrate changes in their functioning in the Russian language taking into account the changes in the requirements to communication.

Key words: discourse marker; diachronic analysis; semantic shift; functional semantics; dynamic aspect; Russian National Corpus; oral speech.

Citation: Golovanova, E. I., & Korsakova, Yu. I. (2018). Funktsional'naiа semantika diskursivnykh markerov ustnoi rechi: dinamicheskii aspekt [The Functional Semantics of Oral Speech Discourse Markers: Dynamic Aspect]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 4 (181), 222–241.

Submitted on 03 April, 2018
Accepted on 24 October, 2018

Интерес к устной речи, возникший еще в XX в., в настоящее время неуклонно растёт. Это обусловлено многими причинами, в числе которых «всплеск интереса к “человеческому фактору” в языке» [Рахилина, с. 13], что выступает одной из ключевых установок когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания [Кубрякова, с. 215–216].

Настоящее исследование посвящено единицам устной речи, называемым дискурсивными маркерами. Этот термин широко используется в лингвистической литературе и соотносится с особым классом слов, важнейшим свойством которых является их непосредственная связь с функционированием дискурса [Дискурсивные слова..., с. 7; Плунгян, 2012]. Первый компонент термина указывает на принадлежность обозначаемого явления к дискурсу, т. е. к процессу последовательного разворачивания речевого взаимодействия во всей совокупности его факторов. Второй компонент эксплицирует функцию данных единиц — маркировать характер речевого взаимодействия и связанные с этим лингвокультурные и этноментальные особенности.

С помощью дискурсивных маркеров осуществляется структурирование речи, объективируются ментальные процессы говорящего, реализуется контроль над ментальной деятельностью адресата [подробнее об этом см.: Антипина, с. 7–9]. Таким образом, под дискурсивными маркерами понимается широкий спектр десемантизированных единиц, регулирующих дискурсивное поведение участников коммуникативного акта.

Исходя из того, что речь представляет собой чрезвычайно динамичный процесс, «развивающийся во всей своей сложности в реальном однонаправленном времени» [Верхолетова, с. 37], функциональная семантика дискурсивных маркеров с течением времени может меняться. Так, например, А. Д. Шмелев указывает, что развитие дискурсивных маркеров «идет в направлении повышения их лингвоспецифичности» [Шмелев, с. 450]. С учетом этого замечания для анализа в настоящей статье были избраны маркеры разнообразного «спектра действия».

Источником материала послужил Национальный корпус русского языка (НКРЯ), обладающий достаточным объемом для получения релевантных статистических данных (как в основном, так и в устном подкорпусе). Каждый дискурсивный маркер рассматривался с нескольких точек зрения: устанавливалось его лексическое значение, количество употреблений, цель употребления в разные временные промежутки. На основе этих параметров проанализированы дискурсивный маркер *авось*, имеющий тесную связь с русской ментальностью; лексема *мол*, употребляемая для передачи чужой речи; маркер *в принципе*, обладающий неоднозначностью употребления в устной речи; единица *вообще*, выражающая идею «противопоставления общего и частного» [Баранов, Плунгян, Рахилина, с. 105], а также дискурсивные маркеры *на самом деле* и *как ни крути*, отличающиеся частотой дискурсивных вхождений и особенностями интонационной окраски.

Данные единицы разнообразны по структуре и грамматическим свойствам, объединяющей для всех них является регулятивная и организующая роль в дискурсе [Дискурсивные слова..., с. 7]. Попытка охватить различные дискурсивные маркеры в одном исследовании определяется желанием обнаружить некоторые общие тенденции, связанные с изменением их функциональной семантики.

Авошь

Дискурсивный маркер *авось* устойчиво ассоциируется с неожиданным везением, удачей, счастливым случаем [Фасмер, т. 1, с. 59; Черных, с. 25]. В. И. Даль дает следующее толкование этому слову: «*Авошь* (нареч.) — может быть, станется, сбудется, с выражением желания или надежды» [Даль, с. 11]. А. Вежицкая, рассматривая слово *авось*, писала о фатализме русского народа и «антирациональности» русского характера: «Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» [Вежицкая, с. 79]. Между тем современные исследователи полемизируют с ней, находя у *авось* множество коннотативных смыслов и утверждая, что это слово «свидетельствует о храбрости и упрямости русского человека» [Форофонтон, с. 308].

Поиск контекстов употребления *авось* в общем корпусе НКРЯ позволил получить 3 310 вхождений, что можно оценить как весьма значительное количество. Однако во многих случаях лексема *авось* используется в ироническом контексте (в связи с чем заключена в кавычки) либо является именем существительным. Поэтому было решено обратиться к устному подкорпусу, где *авось* употребляется в прямой речи и преимущественно в дискурсивном значении. Несмотря на сравнительно малое количество вхождений (54), анализ динамики функционирования рассматриваемого слова представляется вполне релевантным. При этом частотность его употребления наиболее репрезентативна в основном корпусе (рис. 1).

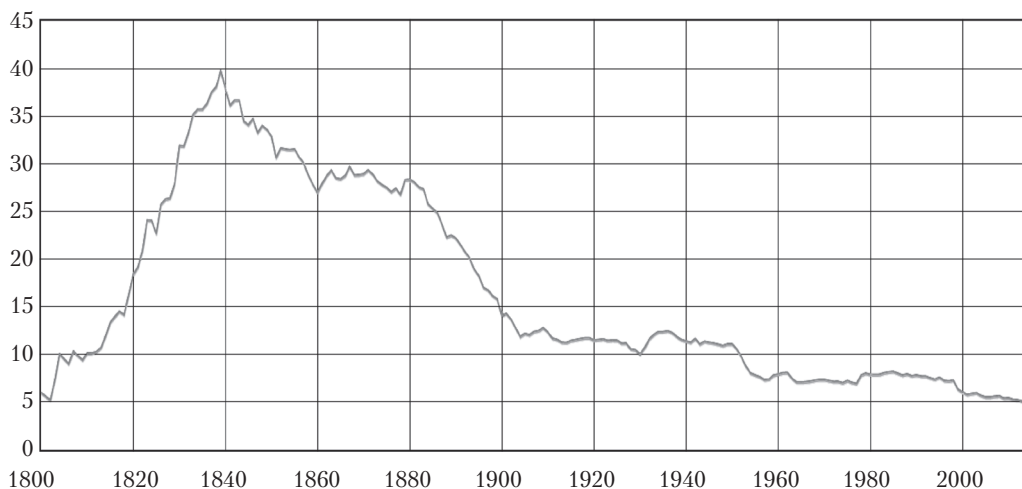

Рис. 1. Количество вхождений дискурсивного маркера *авось* на миллион словоформ

Самое частое употребление на миллион словоформ (39,82) отмечено в 1839 г. Последнее зафиксированное значение датируется 2014 г. — 5,1. Весьма наглядно, что в XIX в. слово *авось* было гораздо более востребованным, чем в XX и XXI вв. Тем не менее, современные исследования важны с точки зрения синхронии. В XX в. особняком стоят 1930–1940-е гг., когда слово *авось* использовалось до 12,5 раз на миллион словоформ. В соответствии с этими локальными экстремумами областями значений дискурсивного маркера *авось* являются 1830-е гг., 1940-е гг. и 2010-е гг.

Первая область значений не зафиксирована в устном корпусе, ввиду чего отбор материала производился в рамках основного корпуса. В указанном временном промежутке *авось* употребляется с оттенком желательного будущего: *Или не хочешь ли ты прикинуться сумасшедшим, чтобы поправить прежнюю репутацию своего рассудка? Авошь скажут, коли сошел с ума, верно было с чего, — подхватил Зарницкий* (А. А. Бестужев-Марлинский. Латник, 1832), причем это будущее желательно как в позитивном, так и в негативном смысле: *Я вам говорю: давно следовало бы сжечь этого горохового кисельника! <...> Да подождите, авось и до него доберутся! — Ума не приложу! — сказала Мурашева* (К. П. Масальский. Регентство Бирона, 1834). И если в приведенных примерах событие не зависит от действий персонажей, то в следующем контексте добавочным выступает значение «вопреки обстоятельствам»: *Чем сдуру топиться нам с тобой, так лучше попробуем сперва: авось твой отец над нами смилосердится* (Н. А. Полевой. Рассказы русского солдата, 1834). Все эти значения являются типичными для рассматриваемого дискурсивного маркера и отмечены в толковых словарях.

Во второй области значений существенных изменений в семантике маркера *авось* не наблюдается: *Ты, — продолжает Ковров, — поселишься у нее. Квартира большая, авось найдется для тебя комната. Подозрителен нам ее дом, понимаешь? <...> Надо, чтобы там свой человек поселился* (Л. Овалов (Л. С. Шаповалов). Рассказы майора Пронина, 1939). В качестве небольшого сдвига можно отметить некоторое расширение смысла — в ряде случаев желательность при маркировании будущего утрачивается или ослабляется: *Затащил предатель старуху в избушку и говорит: — Сделай из меня что хочешь, только поскорее, а то партизаны убьют меня <...> — Выпей настойку из этого зелья, авось что-нибудь из тебя получится. Выпил предатель настойку и вдруг зубы оскалил. Все тело шерстью покрылось. Заглянул он в зеркало и от радости зарычал: стал он волком* (Ф. Кравченко. Партизанские сказки // Вожатый, 1945). Здесь *авось* просто демонстрирует вероятность результата.

Третий временной отрезок, приходящийся на 2010-е гг., представляет наибольший интерес для исследования. В нашем материале имеется немало примеров, когда рассматриваемый маркер подвергается рефлексии. Такие недискурсивные употребления мы исключили из выборки. В оставшихся случаях значение *авось* претерпело изменения, что эксплицитовано в пунктуационном его оформлении: *Заодно и послушает разговоры геймеров, авось, про Гену что-нибудь скажут...* (Александра Маринина. Последний рассвет, 2013).

Из 33 контекстов с дискурсивным употреблением маркера *авось* в семи было зафиксировано его обособление запятыми, несмотря на то, что, как отмечают лингвисты, эта частица «не требует постановки знаков препинания» [Свинцов, Пахомов, Филатова].

Во всех подобных контекстах наблюдается расширение смысла, сходное с отмеченным нами в предыдущей области значений. Частица *авось* все более явно сближается с относительно нейтральным вводным словом *может быть*, вследствие чего происходит ее выделение знаками препинания. Большое число рефлексивных употреблений маркера *авось*, его смысловая нейтрализация и отождествление с разрядом вводных слов, казалось бы, позволяют сделать вывод об изменениях в языковом сознании и о том, что данная лексема перестает быть ментальной доминантой, если бы не высокая частотность ее функционирования. Поэтому правильнее говорить об активизации этноспецифических моделей речемыслительной деятельности и росте популярности маркера в рассматриваемый период (в связи с чем и возникает его не совсем типичное употребление).

Мол

Частица *мол* так же, как и *авось*, становится предметом дискуссий в научном сообществе. Согласно традиционной трактовке, частица *мол* относится к сфере эвиденциальности. Эта категория являет собой «набор грамматических или лексических значений, выражающих эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации» [Плунгян, 2003, с. 321].

Данная частица выступает кватативным маркером и характеризуется относительно нейтральной оценкой. При этом ряд исследователей [см., напр.: Левонтина; Падучева; Плунгян, 2008] отделяет семантическую область, в которую входит *мол*, от эвиденциальности и характеризует ее как обычное цитирование, утверждая, что «в семантике *мол* компонент, выражающий отношение говорящего к сказанному, просто отсутствует» [Падучева, с. 18]. Споры вокруг данной частицы наводят на мысль, что за *мол* в разговорном дискурсе стоят важные смыслы, тем более, что, как утверждают некоторые лингвисты, прежние маркеры эвиденциальности уступают место новым (таким как *мина*), а сами «употребляются сейчас реже» [Сергеева, с. 153].

Поиск маркера *мол* в Национальном корпусе русского языка дал 20 071 вхождение в общем корпусе и 479 вхождений в устном подкорпусе. Достаточно большое число его употреблений подкрепляется возрастающим количеством использований в настоящее время (см. рис. 2).

И если во второй половине XIX в. функционирование маркера *мол* стабильно — в районе ста случаев употреблений на миллион словоформ, то период с начала XX в. вплоть до второй его половины характеризуется в два раза меньшим числом вхождений.

В связи с полученными данными проанализируем зафиксированные в НКРЯ примеры использования маркера *мол*, относящиеся к 1870-м гг. (так как они

отличаются повышенной стабильностью его функционирования), отметим, что произошло с *мол* спустя 100 лет, поскольку один из локальных экстремумов приходится на 1974 г., а также рассмотрим период употребления данной частицы с 2009 г.

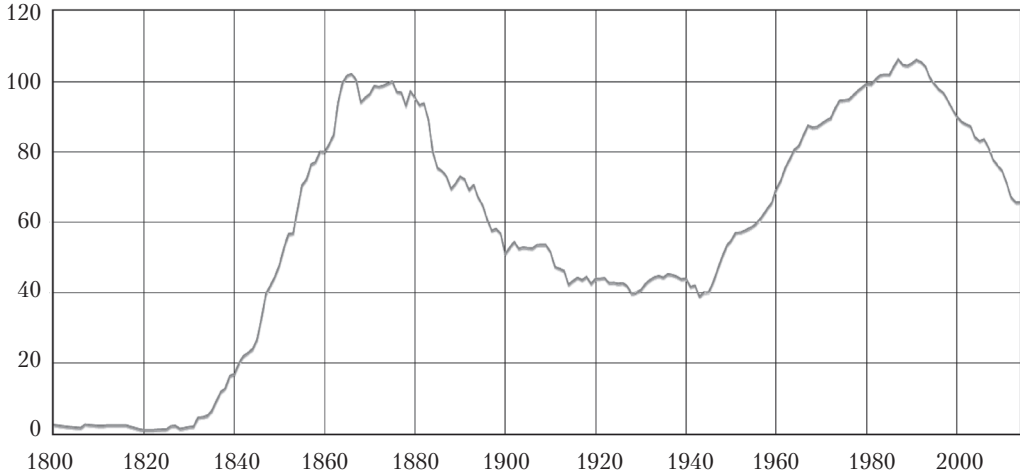

Рис. 2. Количество вхождений дискурсивного маркера *мол* на миллион словоформ

Анализ функционирования маркера *мол* в 1870-е гг. показал, что он в целом соответствует своему словарному значению и представлен лишь в стилизованной разговорной речи: — *Получай сдачу! Три, брат, гривенничка! Нарочно новеньких выпросил. Пуццай, мол, думаю — он их в клад положит... А ты думал как? Ты, может, думал — утаит, мол, майоришка мои деньги... Как же!* (А. И. Левитов. Бесприютный, 1870). В приведенном примере обращает на себя внимание депрекативная функция, которая не свойственна данному маркеру: во втором случае *мол* легко можно заменить на *якобы*.

Следующий пример с *мол* также содержит скрытую негативную оценочность: *Да ей же, Анне, вишь, думать приятно, что вот, мол, ты, Евлампия, какая всегда была гордая, а теперь вон что из тебя стало!.. О.. Ох, ох! Боже мой, боже!* (И. С. Тургенев. Степной король Лир, 1870). При этом осуждение распространяется не на источник сообщения (им в обоих случаях являются вербализованные мысли автора), а на объект, о котором говорится в сообщении.

Вторая область значений характеризуется стандартным употреблением рассматриваемого маркера в разговорной речи: *Случайно я его стронул, и он вышел на поляну за моей спиной, постоял, примерил лапу к моему следу. Зачем? Может, пошутил? Вон, мол, какая у меня лапа. Пошутил и пошёл своей дорогой* (Юрий Коваль. Сиротская зима, 1980–1993).

Отмечается употребление этой частицы и в профессиональном дискурсе. Примеры приведены в устном подкорпусе НКРЯ: *Во-первых / утверждение Сергея Переслгина / который сказал / что сейчас мы находимся в условиях*

катастрофы и «ничего особенного / тем не менее / не происходит». **Мол** / демократическая власть и в условиях катастрофы остается демократической / тоталитарная соответственно (Заседание семинара Б. Стругацкого // Из коллекции НКРЯ, 1990). В данном случае наблюдается ироническое отношение к источнику сообщения, что уже было зафиксировано нами ранее. Депрекативное употребление *мол* не ограничивается только предыдущим контекстом: *А вы / мистер Некто / проводите меня печальным взглядом. Но с лёгким оттенком зависти / мол / везёт же людям! Умирают! А мне ещё жить да жить* (Марк Захаров и др. Дом, который построил Свифт, к/ф, 1982). Любопытно, что подобного рода ирония не была свойственна ни одному из примеров употребления, датированных XIX в.

В XXI в. частица *мол* проникает во все сферы общественной жизни, включая публичную речь политиков: *Как ни странно, но в пиаре украинской газотранспортной системы Виктору Януковичу помогает Юлия Тимошенко. Экс-премьер первой отреагировала на заявления украинского президента в Москве. Мол, она была шокирована, узнав о планах Януковича создать консорциум* (Валентин Жаронкин. Вот и поговорили // «Однако», 2010). В приведенном контексте маркер не имеет особой смысловой нагрузки и, скорее, выступает типичным для устного непринужденного общения знаком чужой речи. Других таких случаев нами выявлено не было, однако сам факт присутствия разговорного слова в публичной официальной речи говорит о некой смене коммуникативных установок.

Реализация *мол* часто коррелирует с употреблением маркеров условности, что помогает автору сообщения отгородиться от источника информации: *Евросоюз как бы «прикрывает» такой подход / заявляя о том / что правозащитная проблематика внутри Евросоюза решается и рассматривается вполне удовлетворительно / поэтому / мол / вы как бы не вмешивайтесь* (Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова, 2013). Использование рассматриваемой частицы в совокупности с *как бы* создает эффект неуверенности в интерпретации источника сообщения. Отметим, что эта черта характеризует речь современного русского интеллигента, у которого (после распада СССР) появилась «неуверенность в завтрашнем дне, ощущение своей невостребованности в рыночном обществе» [Сабинова, с. 179].

В принципе

Противоречивым по своему значению является дискурсивный маркер *в принципе*. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой он квалифицируется как цельное сочетание, обозначающее то же, что и «в основном, в общем, в целом» [Ожегов, Шведова, с. 595–596]. Г. М. Крылова, опираясь на «Путеводитель по дискурсивным словам русского языка», также рассматривает *в принципе* в одном ряду с лексическими единицами *в общем, в целом, в основном*, т. е. характеризует его с точки зрения левой части оппозиции «общее — частное» [Крылова, с. 68; Баранов, Плунгян, Рахилина, с. 133].

Однако в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» *в принципе* относится к числу слов, которые указывают на сходство лишь «в каком-то аспекте данной ситуации с той, чье имя используется» [Гловинская, с. 1228]. Одним словом, лингвисты отмечают у этого дискурсивного маркера противоположные смысловые оттенки.

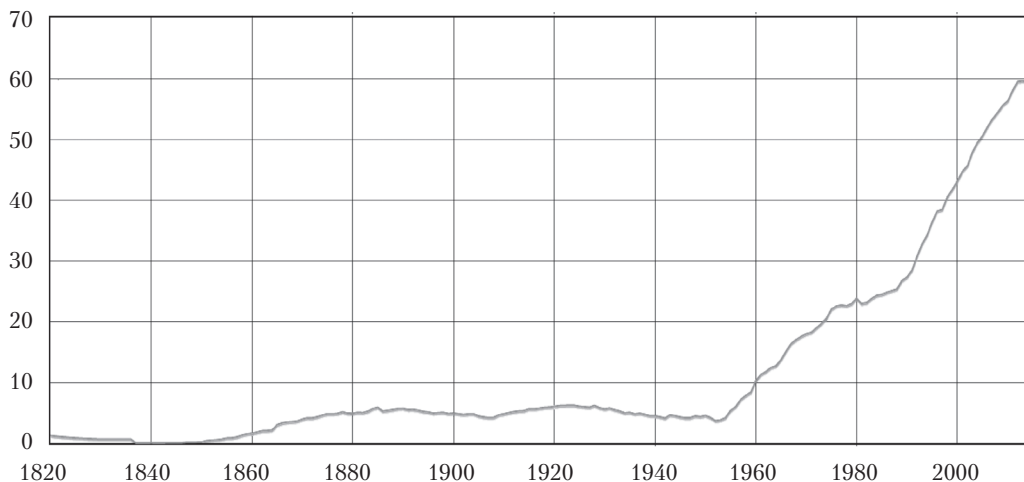

Рис. 3. Количество вхождений дискурсивного маркера *в принципе* на миллион словоформ

В соответствии с динамикой, представленной на графике (рис. 3), нами выбраны для анализа три временных периода: 1860–1880 гг., поскольку именно тогда зафиксированы первые устойчивые употребления сочетания *в принципе* в русской художественной письменной речи; 1960–1970 гг., так как в XX в. эти годы являются переломными для данного сочетания (его употребление резко возрастает); 2000–2004 гг. – чтобы проследить функционирование *в принципе* в XXI в.

Впервые дискурсивное значение у сочетания *в принципе*, согласно сведениям Национального корпуса русского языка, появляется в 1872 г.: **В принципе**, я ненавидел эту породу хищников и мироедов, у которых труд в полном презрении и все помыслы, все надежды которых устремлены на даровую добычу, а между тем, признаюсь, успех его, как успех, возбуждал во мне невольную зависть (Н. Д. Ахшарумов. Концы в воду, 1872). В данном примере *в принципе* употреблено в начале предложения и выделено запятой. Значимая роль в передаче смысла принадлежит сочетанию *а между тем*, расположенному во второй части предложения, но отсылающему к его началу. Наличие противопоставления подтверждает противоречивый характер дискурсивного маркера, так как обобщение в нем отсутствует. Автор констатирует свершившийся факт, что сближает *в принципе* со словом *фактически*.

XX век характеризуется расширением смыслов, связанных с этим маркером. Например, обобщающее значение приобретает *в принципе* в начале предложения в сочетании с союзом *а*: *Что такое тракторист? Извозчик. А в принципе трактор должен стать частью сельскохозяйственной машины, а тракторист — машинистом!* (Г. Е. Николаева. Битва в пути, 1959). Частица *а* в данном случае усиливает значение маркера: отвлекаясь от частных, можно назвать трактор частью сельскохозяйственной машины.

Еще один пример с союзом *а* зафиксирован в 1965 г.: *...вас это не трогает. У вас нет состояния, и вы не теряли денег. А поэзия в принципе стремится трогать всех* (Михаил Анчаров. Теория невероятности, 1965). Лексема *всех* так же, как и союз *а*, позволяет подчеркнуть обобщающий характер этого маркера.

В XXI в. сохраняется употребление *в принципе* в значении «вообще». Например, в следующем контексте, взятом из устного подкорпуса: *Надо приобретать технологии / если сами отстали. А в принципе в космос-то мы летали не на японском / на своем* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001). Однако такое употребление становится редким и в основном маркируется союзом *а*, как в более ранних примерах. В других же случаях установить значение *в принципе* становится затруднительно, помогает это сделать лишь союз *но*, создающий в совокупности с рассматриваемым дискурсивным маркером устойчивую конструкцию: *Ещё когда мы шли, я говорил про улицу Марата, что улица Марата, в принципе, красивая улица, но она очень большая и э... очень сильно транспортная* (Беседа о прогулках по Петербургу // Из материалов Санкт-Петербургского университета, 2001). Союз *но* помогает добиться в данном фрагменте нужной интонации: в словах говорящего прочитывается неуверенность, сомнение.

Отметим, что, по мнению Г. М. Крыловой, «ограничения, препятствующие осуществлению потенциальной возможности, обычно получают эксплицитное выражение в послесююзной части предложений с союзом “но”» [Крылова, с. 72]. Сочетание же «в принципе... но» она понимает как аналог двухместного союза: «В досююзной части указывается возможность осуществления какого-либо действия, в послесююзной — то, что препятствует осуществлению этой возможности» [Там же].

Вообще

Для дискурсивного маркера *вообще*, как отмечает В. А. Плунгян, отсутствует прямой эквивалент и не всегда стилистически и семантически уместен предлагаемый словарем английский аналог *in general* [Плунгян, 2012]. Оговоримся, что такая «непереводимость» является характерной чертой не только этого маркера, но и ряда других. Сходство с английским аналогом прослеживается в пунктуационном справочнике, где у *вообще* указана единственная интерпретация «вообще говоря» [Свинцов, Пахомов, Филатова].

В. М. Белова относит данную лексическую единицу к дискурсивным словам композиционно-смысловой организации текста с оттенком разговорности наравне с *в общем* и *итак*. В качестве основной функции она выделяет следующую: «обобщающее слово перед итогом» [Белова, с. 51]. Однако возможности этого дискурсивного маркера, достаточно частотного в русском языке во все временные промежутки (см. рис. 4), гораздо шире.

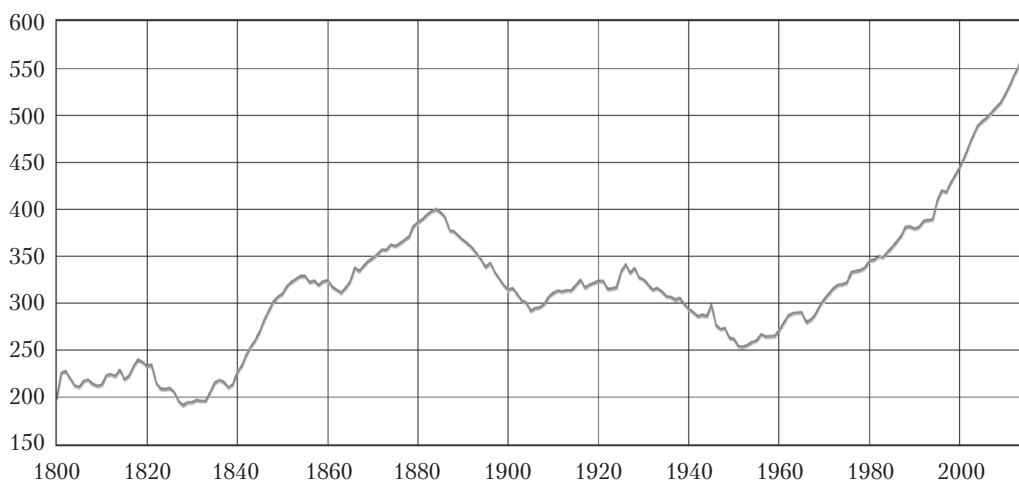

Рис. 4. Количество вхождений дискурсивного маркера *вообще* на миллион словоформ

Популярность маркера *вообще* позволяет выбрать любой временной отрезок для анализа, однако мы ограничимся 1850-ми, 1950-ми и 2010-ми гг. Данные интервалы не относятся к периоду снижения активности его употребления и расположены на почтительном расстоянии друг от друга, в связи с чем проследить динамику значений маркера будет довольно просто.

В 1850-е гг. *вообще* употребляется преимущественно в недискурсивной функции: на слово падает логическое ударение: *У собак **вообще** и у легавых в особенности есть расположение грезить во сне; чем лучше, чем горячее собака в поле, тем больше грезит и — грезит об охоте!* (С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии, 1852). Дискурсивные его употребления, как правило, представлены не в диалогической речи, а в рассуждениях автора. Тем не менее нам удалось найти несколько удовлетворяющих требованиям контекстов, включая следующий: *Ты знаешь, я **вообще** не большой охотник до этих господ, — продолжал он по-французски, — но этот особенно мне не нравится и должен быть...* (Л. Н. Толстой. Детство, 1852). Здесь *вообще* имеет значение «как правило», «в целом» и не соотносится с теми характеристиками, которые ему приписывает В. М. Белова. Других характеристик у данного маркера в указанный период не выявлено.

Второй временной промежуток (1950-е гг.), напротив, отличается обилием реализаций этого слова в разговорной речи в различных контекстах. Употребляется оно и в том значении, которое было отмечено нами ранее: — *Ты не должна пугаться, мое дитя, я не намерен никому доносить на него, донос вообще не в моих понятиях чести* (Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть первая, 1952), и в новом: *Да, бросьте, Дукат, ваши формулы: «гибель России», — морщится Фатьянов, будто он закусил лимон, — во-первых, России, вероятно, не так-то уж легко погибнуть, да и вообще, что такое за штука, эта «гибель»? (Р. Б. Гуль. Конь рыжий, 1952)*. В последнем примере использование частицы *да и вообще* способствует специфической интерпретации маркера: с его помощью говорящий заостряет внимание собеседника на философском, метафизическом понимании слова «гибель». Другими словами, налицо динамика функционирования маркера *вообще*.

В 2010-е гг. *вообще* используется в большом количестве устных текстов. Так, в дебатах Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему «Замалчивание важных событий — цензура или выбор редактора?» этот маркер употребляется 25 раз, и все случаи являются дискурсивными. Например: *Я вообще не уверен / что такая структура / как министерство печати / нужна (Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему: «Замалчивание важных событий — цензура или выбор редактора?», 2016)*. Представленная здесь конструкция *вообще не* соотносится с отрицанием и порождает дополнительный семантический эффект отрицания «в предельном объеме» [Баранов, Плунгян, Рахилина, с. 110]. Такое употребление является характерным исключительно для настоящего времени, ранее оно не наблюдалось.

На самом деле

Дискурсивный маркер *на самом деле* интересен с точки зрения сочетаемости: именно от нее зависит его значение. В отличие от сходного маркера *в самом деле*, употребляемого гораздо реже, *на самом деле* сейчас находится на пике популярности (см. рис. 5, 6). При этом для академических и других толковых словарей нехарактерно выделение *на самом деле* в самостоятельную вокабулу. В Большом академическом словаре оно представлено в качестве устойчивого словосочетания со словом *дело*: «В самом деле, на самом деле — действительно, точно (выражает подтверждение высказанного мнения, предположения и т.п.)» [ССРЛЯ, с. 677].

Нельзя не согласиться с тем, что *на самом деле* в ряде случаев может быть заменено на вышеуказанный синоним, однако Н. С. Титова замечает, что *на самом деле* «аргументирует мнение говорящего через опровержение тезиса, в рамках аргументации от противного» [Титова, с. 40], в то время как *в самом деле* может содержать лишь подтверждающую аргументацию. В связи с этим представляется важным установить время вхождения в русский язык такого значения.

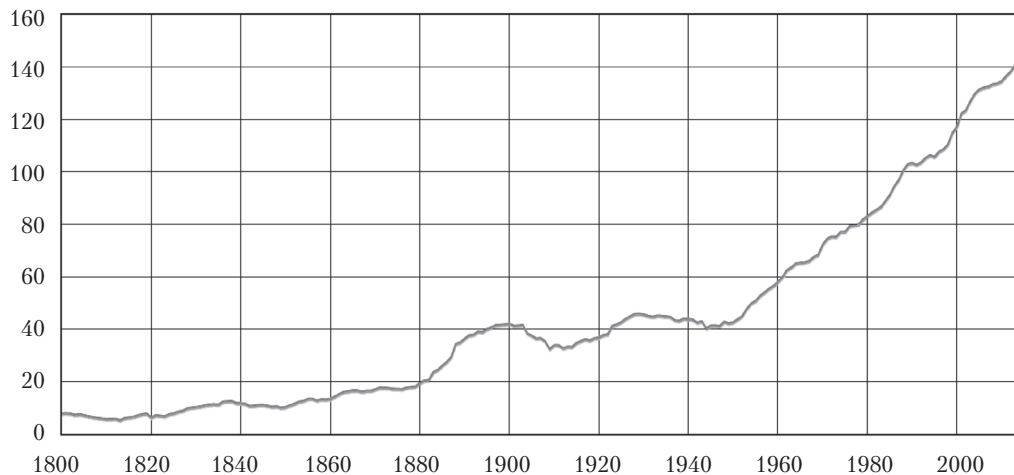

Рис. 5. Количество вхождений дискурсивного маркера *на самом деле* на миллион словоформ

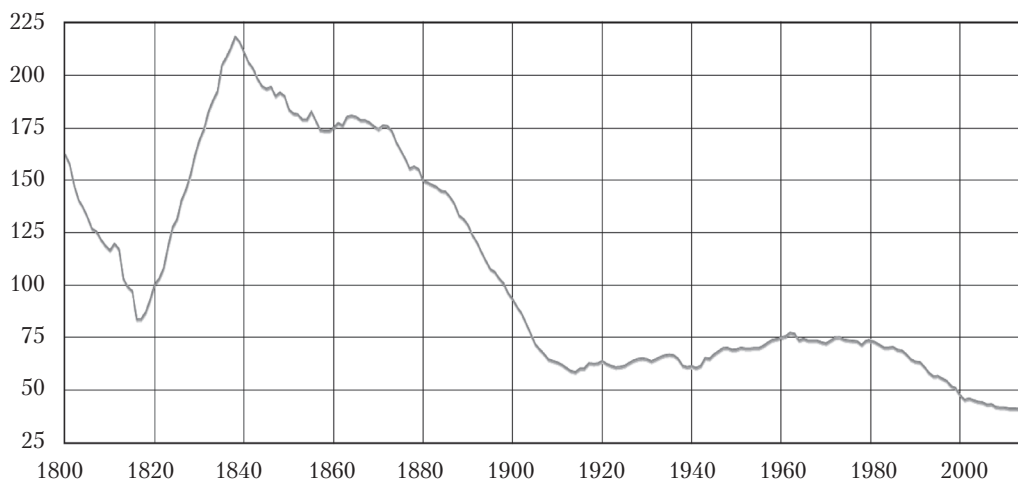

Рис. 6. Количество вхождений дискурсивного маркера *в самом деле* на миллион словоформ

На графике (рис. 5) видны периоды роста употребления *на самом деле*. Эти периоды выпадают на 1880-е, 1980-е и 2010-е гг. В связи с этим целесообразно обратиться к вхождениям, принадлежащим именно к этим годам.

В первом временном промежутке при анализе контекстов создается ощущение, что все они допускают замену рассматриваемого дискурсивного маркера на *в самом деле*. Однако если проанализировать диалоги персонажей, в которых встречается маркер *на самом деле*, то становится очевидным, что в устной речи

он используется именно через опровержение тезиса: — *Ревизанов запугал меня, — вот воображение и разгулялось, и пошло строить Бог весть какие мрачные воздушные замки, а на самом деле они — карточные домики!..* (А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть, 1882–1893). В приведенном контексте, как и в прочих фрагментах устной речи, относящихся к этой области значений, *на самом деле* употребляется со значением опровержения. Замена единицей *в самом деле* ни в одном из них не представилась возможной.

Следующая область значений показывает, что в устной речи значение *на самом деле* сближается со значением *в самом деле*, хотя ранее это было возможно лишь в речи монологической, авторской: — *А знаете, Одинцов и на самом деле был таким человеком* (Геннадий Алексеев. Зеленые берега, 1983–1984). В приведенном примере употребление второго из двух маркеров было бы даже предпочтительнее, поскольку реализуется подтверждение уже сказанных слов. В следующих контекстах использование *на самом деле* с семантикой противопоставления никак не связано с, казалось бы, близким по значению маркером: *Начинается беготня по гастрономам в поисках мифических «любименьких» деликатесов, придуманных дядей Володей, — сварливо ответила на это девочка, — хотя на самом деле я могу сено жевать* (Дина Рубина. День уборки, 1980); *Они держатся как задушевные подруги, но на самом деле она Ольгу Порфирьевну терпеть не может* (Ирина Стрелкова. Похищение из провинциального музея, 1980).

В настоящее время *на самом деле* функционирует в речи в самых разных значениях, что отражено в устном подкорпусе: *На самом деле / мы достаточно молодая организация / но уже очень опытная / потому что у нас было достаточно заказов / и мы работаем / почти не смыкая глаз* (Заказ воздушных шаров на дом // Из коллекции НКРЯ, 2015). В приведенном контексте дискурсивный маркер направлен на доказательство слов говорящего, т. е. в полной мере является маркером уверенности. Попытка убедить собеседника в истинности сказанного представлена и в следующем примере: *Ну / это очень хорошо / что вы позвонили / на самом деле* (Разговор с консультантом пенсионного фонда // Из коллекции НКРЯ, 2015).

В последнем значении дискурсивный маркер может употребляться как в начальной, так и в конечной позиции в тексте, что неприменимо по отношению к другим случаям употребления. Отметим, что выделенное значение также является относительно новым для маркера *на самом деле* и зафиксировано в первую очередь в подкорпусе устных текстов.

Как ни крути

Дискурсивный маркер *как ни крути* приобрел статус регулярной единицы лишь в последние полвека и является сегодня весьма частотным в русском языке (рис. 7). Между тем лингвисты не проявили пока особого интереса к его изучению. В. Ю. Апресян называет *как ни крути, как ни верти, как бы то ни было* и что

(там) ни говори синонимами и относит их к разговорным фраземам [Апресян, с. 660], Г. А. Мусатова также рассматривает *как ни крути* в кругу фразеологических единиц [Мусатова, с. 176]. Авторы полагают, что данное устойчивое сочетание указывает на нежелательность ситуации и, несмотря на попытки воспрепятствовать ей или рассматривать существующие обстоятельства с другой точки зрения, «она все равно имеет или будет иметь место» [Апресян, с. 662]. Представляется важным выяснить, так ли это на самом деле.

В связи с относительно недавней выделенностью данного дискурсивного маркера, временные промежутки, рассматриваемые нами, будут относиться к XX и XXI вв. Вначале подвергнем анализу единичные употребления *как ни крути*, зафиксированные до 1950 г. Затем рассмотрим период, относящийся к 1970-м гг., поскольку в это время значительно выросло количество его употреблений. Далее сопоставим полученные данные с контекстами употребления маркера в начале XXI в., чтобы выявить изменения, произошедшие к этому моменту.

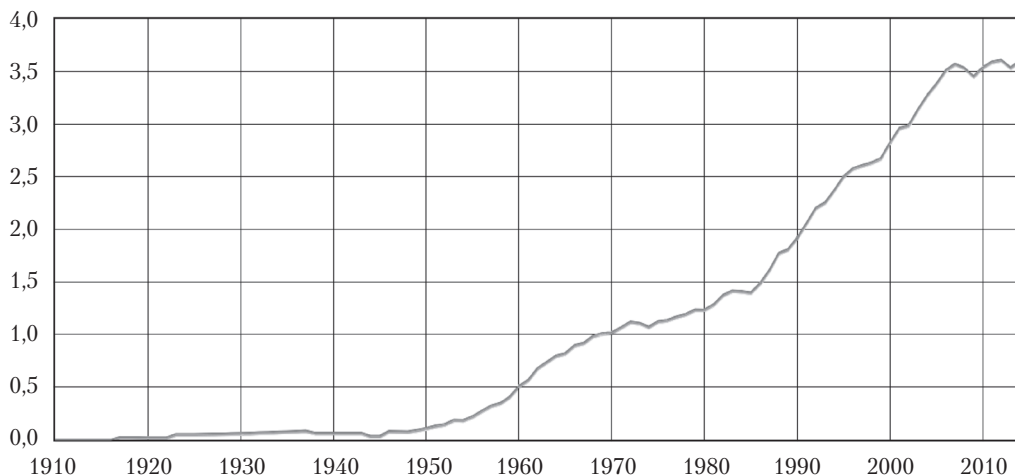

Рис. 7. Количество вхождений дискурсивного маркера *как ни крути* на миллион словоформ

В первой области значений рассматриваемый маркер встречается лишь дважды, причем оба раза именно в том значении, что было указано ранее: ***Как ни крути, а отдавать жеребца нужно. Иначе нас все дураками назовут.*** (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Ч. 1, 1933). Очевидно, что описываемое действие является нежелательным. То же самое значение мы наблюдаем и в следующем фрагменте: ***Париж не в пример лучше белокаменной, которая, как ни крути, остается бессистемно распланированной большой деревней*** (Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев, 1927). Из примера видно, что констатация восприятия Москвы как «большой деревни» соотносится с нежелательной информацией, с которой приходится мириться. Мы решили включить

данный фрагмент в подборку, несмотря на то, что он не относится к устной речи. Это обусловлено малым количеством вхождений и необходимостью получения релевантных данных.

Второй временной промежуток характеризуется типичными для рассматриваемого дискурсивного маркера употреблениями: — *А вы подумали, Лёня, о пище? — О какой пище? — Ну, о том, что едят наши невидимки? Это ведь, как ни крути, воровство...* (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы, 1971). Очевидно, что субъект речи осуждает ворующих людей, что и отражает в данном случае маркер *как ни крути*. Та же ситуация наблюдается в другом примере: *Ну его, солнце-то, — говаривал он в студенческие годы. — И чего светит без толку! Как ни крути, а при свете всего никогда не узнаешь* (Юрий Мамлеев. Конец света // О чудесном, 1975–1999). Интересно, что в последнем случае *как ни крути* употребляется в сочетании с противительным союзом *а* (как и в первой области значений). В сопоставлении с ними первый контекст второй области значений отличается лишь одной лексемой, употребленной после этого маркера устной речи. Подобных употреблений ранее замечено не было.

В современном функционировании русского языка данные по дискурсивному маркеру *как ни крути* разнятся. Так, достаточно часто в устном подкорпусе мы находим его использование в конце интонационного фрагмента: *А вот тут от биологии никуда не денешься / потому что для этого он должен родиться / как ни крути* (Культура и мозг // Программа «Гордон» (НТВ), 2002). В приведенном примере нежелательный момент выражен имплицитно («но он не родится»), в соответствии с чем значение деформируется до «независимо от чьего-либо желания», а негативный момент оказывается скрыт. Та же ситуация наблюдается и в следующем фрагменте: *Да! Двадцать первый век как ни крути. Все уже и с собой таскают карманные. Видела? В метро уже у каждого третьего / наверно* (Разговор друзей // Из коллекции НКРЯ, 2006). Единственное отличие между фрагментами заключается в том, что в последнем случае без понимания контекста вообще не находится негативный подтекст. Однако если учесть, что речь идет о карманных персональных компьютерах и их влиянии на общество, то становится понятно, что участник диалога настроен по отношению к ним негативно.

Итак, проведенный анализ функционирования дискурсивных маркеров устной речи в динамическом аспекте позволяет сделать ряд выводов.

Употребление частицы *авось*, особенно в ее недискурсивном значении, в новейшую эпоху свидетельствует о некоторой активизации саморефлексии русского человека, его спонтанном обращении к устаревшим (утраченным) ментальным моделям. В отдельных случаях использование маркера *авось* является немотивированным, что позволяет сделать предположение о неполноте понимания его функциональной семантики говорящими.

Дискурсивный маркер *мол* демонстрирует другую сторону динамики значений: слово проходит длительный путь от маркера чужой речи через депрекатив

до слова с модальным значением неуверенности в интерпретации чужой речи. Неуверенность в себе, в своих, а равно и в чужих словах является особенностью современного человека, ранее не выделяемой исследователями русской ментальности.

Значение дискурсивного маркера *в принципе* также претерпевает изменения: чтобы разграничить смысловые акценты, он используется в сочетании с союзами *а* и *но*. И если первый помогает актуализировать значение 'вообще', исторически близкое *в принципе*, то сочетание *в принципе... но* обезличивает данный дискурсивный маркер и приравнивает его к двухместному союзу.

Дискурсивное значение маркера *вообще* сформировалось относительно недавно, поэтому расширение области его значений наблюдается в современных контекстах. Этот дискурсивный маркер актуализирует значения правила, общей ситуации, а также усиленного отрицания. Отметим, что отрицание при *вообще* имеет иной семантический эффект, нежели отрицание при *в принципе*.

Дискурсивный маркер *на самом деле*, изначально направленный на подтверждение чьих-либо тезисов через отрицание, в ряде случаев сближается с условно синонимичным ему маркером *в самом деле*, однако отнюдь не так часто, как это отмечают толковые словари. Для данного маркера возрастает роль «вводности», в результате которой он становится маркером уверенности с функцией убеждения собеседника в чьих-либо словах.

Несмотря на короткую историю, дискурсивный маркер *как ни крути* уже успел претерпеть некоторые изменения. Первичное значение, при выражении которого маркер указывал на нежелательность и неизбежность какой-либо ситуации, трансформировалось. В настоящее время актуализируемая им ситуация может быть любой по своей эмоциональной окраске и степени желательности, однако значение неизбежности остается прежним.

Результаты анализа функционирования дискурсивных маркеров в устной речи демонстрируют динамичность их семантики и способность к преобразованиям в соответствии с меняющимися требованиями к характеру коммуникации.

Источники

- Даль В. И. Толковый словарь русского языка. М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2000.
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. С. Г. Бархударова. Т. 3. Л. : Изд-во АН СССР, 1954.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 1. М. : Прогресс, 1986.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т. 1. М. : Рус. язык – Медиа, 2006.

Исследования

- Антипина Ю. И. Дискурсивный маркер в кругу смежных понятий // Сборник научных статей молодых ученых. Выпуск первый / под ред. А. А. Фокина. Челябинск : Энциклопедия, 2016. С. 5–9.

- Апресян В. Ю. Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 612–710.
- Баранов А. Н., Плузган В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993.
- Белова В. М. Функционально-семантические особенности дискурсивных слов в жанре мемуаров // Вестн. Череп. гос. ун-та. 2011. № 1 (28). С. 50–53.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Рус. словари, 1996.
- Верхолетова Е. Ю. Теоретические основания структурно-динамического подхода к речи // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубежная филология. 2010. № 4. С. 34–39.
- Гловинская М. Я. Фактически 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 1228–1233.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998.
- Крылова Г. М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением (на материале лексем *в общем, в целом, в принципе, в основном*) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : РГГУ, 1995. С. 144–238.
- Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2010. Вып. 9 (16). С. 284–288.
- Мусатова Г. А. Уступительные конструкции со значением качества и количества — конститuentы микрополя усилительно-уступительного значения // Современная филология : материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Уфа : Лето, 2011. С. 175–178.
- Падучева Е. В. Показатели чужой речи: *мол* и *декабрь* // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2011. Т. 70. № 3. С. 13–19.
- Плузган В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М. : Едиториал УРСС, 2003.
- Плузган В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // Wiener Slavistischer Almanach. 2008. Sonderband 72. S. 285–311.
- Плузган В. А. Дискурсивные слова [Электронный ресурс] // ПостНаука. 2012. URL: <http://postnauka.ru/video/2961> (дата обращения: 11.08.2014).
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М. : Рус. словари, 2000.
- Сабирова Л. А. Ментальные свойства русского человека в постсоветском российском обществе // Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем : сб. науч. ст. / [редкол.: Е. Е. Мерзон и др.]. Елабуга : Изд. Белов Евгений Валериянович, 2015. С. 178–180.
- Свицов В. В., Пахомов В. М., Филатова И. В. Справочник по пунктуации [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/punctum> (дата обращения: 20.04.2017).
- Сергеева Е. Н. *Тина* как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 3. С. 149–153.
- Титова Н. С. Структурные и семантические особенности сочетания *на самом деле* в текстах научных работ М. М. Бахтина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 392. С. 39–42.
- Форофонттова Ю. Л. Общерусские междометные слова в русской языковой картине мира // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2012. № 12 (116). С. 306–310.
- Шмелев А. Д. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (*на всякий случай, если что, вдруг*) // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 437–451.

References

- Antipina, Yu. I. (2016). Diskursivnyi marker v krugu smezhnykh ponyatii [Discourse Marker in the Circle of Related Concepts]. In A. A. Fokin (Ed.), *Sbornik nauchnykh statey molodykh uchenykh* [Collection of Articles of Young Scholars] (Iss. 1, pp. 5–9). Chelyabinsk: Encyclopaedia. (In Russian)
- Apresyan, V. Yu. (2006). Ustupitel'nost' v jazyke [Concession in Language]. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija* [The Linguistic Worldview and Systemic Lexicography] (pp. 612–710). Moscow: Jazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)
- Baranov, A. N., Plungyan, V. A., & Rakhilina, E. V. (1993). *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka* [A Guide to the Discourse Words of the Russian Language]. Moscow: Pomovsky i partnery. (In Russian)
- Belova, V. M. (2011). Funktsional'no-semanticheskie osobennosti diskursivnykh slov v zhanre memuarov [Functional-Semantic Features of Discourse Words in the Genre of Memoirs]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (28), 50–53. (In Russian)
- Forofontova, Yu. L. (2012). Obshcherusskie mezhdometnye slova v russkoi jazykovoi kartine mira [All-Russian Interjections in the Russian Linguistic Worldview]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*, 12 (116), 306–310. (In Russian)
- Glovinskaya, M. Ya. (2003). Fakticheski 2 [Actually 2]. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Novyi ob'iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (pp. 1228–1233). Moscow: Jazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)
- Kiseleva, K., & Paillard, D. (Eds.). (1998). *Diskursivnye slova russkogo jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniia* [Discourse Words of the Russian Language: An Attempt at Contextual-semantic Description]. Moscow: Metatekst. (In Russian)
- Krylova, G. M. (2002). *Semantiko-sintaksicheskie svoistva slov-gibridov s obobshchajushche-ogranichitel'nyim znacheniem (na materiale leksem v obshchem, v tselom, v printsipe, v osnovnom)* [The Semantic-syntactic Properties of Hybrid Words with a Generalising-restrictive Meaning (with Reference to Lexemes в общем, в целом, в принципе, в основном)] (doctoral dissertation). Vladivostok. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. (1995). Evoliutsija lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [The Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (An Attempt at Paradigm Analysis)]. In Yu. S. Stepanov (Ed.), *Jazyk i nauka kontsa XX veka* [The Language and Scholarship of the Late 20th Century] (pp. 144–238). Moscow: RGGU. (In Russian)
- Levontina, I. B. (2010). Pereskazyvatel'nost' v russkom jazyke [Evidentiality in the Russian Language]. *Komp'uternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 9 (16), 284–288. (In Russian)
- Musatova, G. A. (2011). Ustupitel'nye konstruktsii so znacheniem kachestva i kolichestva – konstituenty mikropolia usilitel'no-ustupitel'nogo znachenija [Conventional Constructions with the Meaning of Quality and Quantity – Constituents of the Micro-field of the Intensifying and Concessional Meaning]. In G. D. Akhmetova (Ed.), *Sovremennaja filologija: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Modern Philology: Materials of the International Scholarly Conference] (pp. 175–178). Ufa: Leto. (In Russian)
- Paducheva, E. V. (2011). Pokazateli chuzhoi rechi: mol i deskat' [Indicators of Indirect Speech: мол and дескать]. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 70, 3, 13–19. (In Russian)
- Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaja morfologija: vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the Problematics]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)
- Plungyan, V. A. (2008). O pokazateliakh chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom jazyke: mol, jakoby i drugije [On the Indicators of Indirect Speech and Unreliability in the Russian Language: мол, якобы, etc.]. *Wiener Slavistischer Almanach*, 72, 285–311. (In Russian)
- Plungyan, V. A. (2012). *Diskursivnye slova* [Discourse Words]. Retrieved from <http://postnauka.ru/video/2961>. (In Russian)
- Rakhilina, E. V. (2000). *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive Analysis of Subject Names: Semantics and Compatibility]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian)

Sabirova, L. A. (2015). Mental'nye svoitva russkogo cheloveka v postsovetskom rossiiskom obshchestve [Mental Properties of a Russian Person in Post-Soviet Russian Society]. In E. E. Merzon et al. (Eds.), *Sotsiokul'turnaja sreda rossiiskoi provintsii v proshlom i nastoiashchem: sbornik nauchnykh statei* [Socio-cultural Environment of the Russian Province in the Past and Present] (pp. 178–180). Yelabuga: Izd. Belov Evgeny Valerianovich. (In Russian)

Sergeeva, E. N. (2010). *Tipa* kak evidentsial'nyi marker v russkoi razgovornoj rechi [*Tipa* as an Evidential Marker in Russian Colloquial Speech]. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 6, 3, 149–153. (In Russian)

Shmelev, A. D. (2005). Nekotorye tendentsii semanticheskogo razvitiya russkikh diskursivnykh slov (*na vsiakii sluchai, esli chto, vdruz*) [Some Tendencies in the Semantic Development of Russian Discursive Words (*na vsiakii sluchai, esli chto, vdruz*)]. In A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, & A. D. Shmelev, *Kliuchevye idei russkoi jazykovoï kartiny mira* [The Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview] (pp. 437–451). Moscow: Jazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian)

Svintsov, V. V., Pakhomov, V. M., & Filatova, I. V. *Spravochnik po punktuatsii* [Handbook of Punctuation]. Retrieved from <http://new.gramota.ru/spravka/punctum>. (In Russian)

Titova, N. S. (2015). Strukturnye i semanticheskie osobennosti sochetaniya *na samom dele* v tekstakh nauchnykh rabot M. M. Bakhtina [The Structural and Semantic Features of the Collocation *na samom dele* in the Texts of M. M. Bakhtin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 392, 39–42. (In Russian)

Verkholetova, E. Yu. (2010). Teoreticheskie osnovaniya strukturno-dinamicheskogo podkhoda k rechi [Theoretical Foundations of the Structural-dynamic Approach to Speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaja i zarubezhnaja filologija*, 4, 34–39. (In Russian)

Wierzbicka, A. (1996). *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. (In Russian)

Голованова Елена Иосифовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры теоретического и прикладного
языкознания
Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: ligol@csu.ru

Корсакова Юлиана Игоревна

аспирант кафедры теоретического
и прикладного языкознания
Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
E-mail: juliana647@gmail.com

Golovanova, Elena Iosifovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Theoretical and Applied Linguistics
Department
Chelyabinsk State University
129, Bratya Kashiriny Str.,
454001 Chelyabinsk, Russia
Email: ligol@csu.ru
ORCID: 000-0002-8777-4484
Researcher ID: M-2003-2016
Scopus ID: 56998513700

Korsakova, Yuliana Igorevna

PhD Student
Theoretical and Applied Linguistics
Department
Chelyabinsk State University
129, Bratya Kashiriny Str.,
454001, Chelyabinsk, Russia
Email: juliana647@gmail.com